

ЕДИНСТВЕННЫЙ НАСЛЕДНИК

Иные дома, подобно иным людям, способны однажды раз и навсегда снискать себе репутацию обиталища сил зла. Наверное, все дело в своеобразной ауре злодеяний, свершившихся некогда под их крышами, — она-то и пробуждает в вашей душе необъяснимый страх спустя много лет после того, как реальные злодеи во плоти и крови покинули этот мир. Флюиды темных страстей убийцы и предсмертного ужаса его жертвы проникают в ваше сознание, и вы, не имея никакого отношения к некогда совершенному здесь преступлению, внезапно чувствуете, как напряглись ваши нервы, забегали по телу мурашки и похолодела в жилах кровь...

Алджернон Блэквуд

После той жуткой ночи, заставившей меня бежать прочь из Провиденса, я твердо решил никогда более не возвращаться к тайне дома Шарьера. Ни один здравомыслящий человек не стал бы цепляться за подобные воспоминания, а, напротив, постарался бы как можно скорее от них избавиться или, в крайнем случае, убедить себя в их нереальности. И все же мне придется поведать миру о своем недолгом знакомстве с таинственным домом на Бенефит-стрит и о причине панического бегства из его стен, ибо я считаю своим долгом спасти невинного человека, оказавшегося на подозрении у полиции после безуспешных попыток последней найти объяснение одному слишком поздно сделанному ужасному открытию. Именно я стал первым из живых людей, кому выпало собственными глазами увидеть весь этот кошмар; а то, что от него осталось несколько лет спустя, когда дом был передан в собственность города, наверняка являло собой лишь бледную тень бывшего ужаса.

Знатоки старины, как правило, гораздо больше интересуются самими древними домами, нежели историческими сведениями о них, притом что любой исследователь, занимаясь историей людских обиталищ, имеет шансы столкнуться с тайной куда более важной и увлекательной, нежели дата сооружения какого-нибудь флигеля или имя кровельщика, возведшего двускатную

крышу, и найти разгадку этой тайны, какой бы невероятной, ужасающей или даже, кто знает, дьявольской она ни была. Имя Элайджи Этвуда кое-что значит в среде истинных любителей старины; из соображений скромности не стану распространяться здесь о собственной персоне, но думаю, не будет зазорным упомянуть о том факте, что в справочниках по антиквариату вашему покорному слуге уделен не один абзац.

Я приехал в Провиденс, штат Род-Айленд, в 1930 году, намереваясь пробыть в нем лишь несколько дней и затем отправиться в Новый Орлеан. Но мои планы переменялись в первый же день, когда я увидел дом Шарьера на Бенефит-стрит, — так неожиданно и бесповоротно может завладеть сердцем любителя старины только какой-нибудь необычный дом на улице новоанглийского города, явно выделяющийся на фоне соседних зданий своим почтенным возрастом и окруженный некоей не поддающейся определению аурой, отталкивающей и притягательной одновременно.

Информация, которую я получил о доме Шарьера (что в нем якобы обитает нечистая сила), мало чем отличалась от почерпнутых мною в «Журнале американского фольклора» сведений о большинстве старых, покинутых людьми жилищ — будь то землянки австралийских аборигенов, хижины полинезийцев или примитивные вигвамы американских индейцев. Не хочу распространяться здесь о призраках, однако скажу, что мой богатый жизненный опыт позволяет вспомнить кое-какие явления, необъяснимые с научной точки зрения; хотя, с другой стороны, обладая достаточно трезвым умом, я верю в то, что рано или поздно, когда наука сделает очередной шаг вперед, эти объяснения будут найдены.

В доме Шарьера, конечно же, не водилось нечистой силы в прямом смысле этого слова. По его комнатам не бродили, гремя цепями, угрюмые призраки, в полночь под его крышей не раздавалось страшных завываний, и замогильные силуэты не вставляли в колдовской час, неся гибельное предупреждение. Но нельзя было отрицать того, что некая мрачная аура — зла? ужаса? неких сверхъестественных явлений? — витает над домом, и, не надели меня природа достаточным хладнокровием, этот особняк,

без сомнения, давно бы свел меня с ума. В сравнении с другими домами подобного рода этот обладал не столь ощутимой аурой, но в то же время он прямо-таки давил на сознание своей, если хотите, старинностью — нет, не тяжестью веков своего существования на этой земле, но глубочайшей седой древностью несравненно более ранних эпох бытия, когда мир был еще совсем молодым; и это показалось мне странным, ибо дом, как бы ни был он стар, все же вряд ли стоял здесь более трех столетий.

Я не мог сдержать восхищения, увидев его в первый раз, и это было восхищение знатока, нежданно-негаданно встретившего среди скучных зданий типичной новоанглийской постройки замечательный образец архитектуры XVII века в квебекском стиле, о котором я имел вполне отчетливое представление, ибо в Квебеке, да и в других старых городах Северной Америки, бывал много раз. В Провиденсе же я оказался впервые; впрочем, в мои намерения не входило останавливаться здесь надолго — меня ждал Новый Орлеан, а Провиденс был всего лишь промежуточным пунктом, куда я завернул, чтобы проведать своего старого друга, тоже весьма известного антиквара. Направляясь к нему на Барнз-стрит, я и наткнулся на дом, о котором веду сейчас свой рассказ. С первого взгляда на него я понял, что он стоит незаселенным, и, позабыв о запланированной поездке в Новый Орлеан, тут же решил снять его для себя и пожить в нем некоторое время. Быть может, это желание, будучи минутной блажью, так и осталось бы неосуществленным, если бы не та странная неохота, с которой Гэмвелл (так звали моего друга) отвечал на мои настойчивые расспросы об этом особняке. Более того, я почувствовал, что мой приятель не желает, чтобы я даже близко подходил к этому дому. Боюсь, впрочем, показаться несправедливым по отношению к бедняге — ведь тогда дни его были уже сочтены, хотя оба мы еще не подозревали об этом. Гэмвелл принял меня не в кабинете, а в спальне, и я, пристроившись у изголовья больного, вскоре завел речь о доме, предварительно весьма подробно обрисовав его для безошибочной идентификации — ведь я не знал тогда о нем ровным счетом ничего, в том числе и названия.

Гэмвелл сказал, что владельцем дома был некий Шарьер, французский хирург, в свое время приехавший сюда из Квебека.

— А кто его построил? — спросил я.

Но этого мой друг не знал. Единственным именем, которое он назвал мне, было имя Шарьера.

— Это был высокий человек с грубой, словно потрескавшейся кожей, — сказал он. — Видел я его от силы два-три раза, но никто не может похвастаться тем, что встречал его чаще. Он тогда уже оставил свою практику.

Далее я узнал, что к тому времени, когда мой друг начал проявлять интерес к необычному особняку, Шарьер уже жил там — возможно, вместе со старшими членами его семейства, хотя относительно последних у Гэмвелла не было твердой уверенности. Три года тому назад, в 1927 году, этот мрачный отшельник тихо скончался; во всяком случае, местная «Джорнел» настаивала именно на упомянутой дате — к слову сказать, единственной дате, сообщенной мне Гэмвеллом; все остальное было сокрыто пеленой неизвестности. За все время, прошедшее после смерти отставного хирурга, в доме лишь однажды поселились жильцы — семья заезжего адвоката, однако уже через месяц они уехали оттуда, жалуясь на сырость и неприятные запахи. С тех пор он так и стоит пустым. От сноса его спасает то, что доктор Шарьер, оставив после себя солидную сумму, поручил одной юридической конторе своевременно выплачивать из нее все налоги в городскую казну в течение, как говорили, двадцати лет, обеспечивая тем самым сохранность дома на случай, если объявятся наследники доктора — кто-то припомнил в этой связи, что в письмах покойного хирурга содержались туманные намеки на некоего племянника, якобы состоящего на военной службе во Французском Индокитае. Однако племянник так и не объявился, и дом был оставлен в покое до истечения указанного в завещании доктора Шарьера срока.

— Я хотел бы его снять, — сказала я Гэмвеллу.

Услышав мои слова, Гэмвелл, несмотря на свое плохое самочувствие, резко приподнялся на локте в знак протеста.

— Это блажь, Этвуд, — произнес он дрожащим голосом. — Она пройдет. Оставь свою затею — я слышал много нехорошего об этом доме.

— Например? — стал допытываться я.

Но Гэмвелл не желал говорить на эту тему, а только слабо покачал головой и закрыл глаза.

— Думаю посмотреть его завтра, — продолжал я.

— После Квебека ты не найдешь там ничего нового, поверь мне, — ответил Гэмвелл.

Тем не менее, отговаривая меня от этой сделки, мой друг добился прямо противоположного результата, лишь укрепив во мне желание поближе познакомиться с домом Шарьера. Конечно, я отнюдь не собирался провести в нем всю оставшуюся жизнь — в мои планы входило снять дом на полгода или что-то около того и превратить его в базовый пункт для своих экспедиций в сельскую местность вокруг Провиденса, весьма привлекательную для меня с профессиональной точки зрения (я рассчитывал найти немало интересного в старинных усадьбах и небольших селениях). В конце концов Гэмвелл сдался и назвал мне юридическую контору, на попечение которой был оставлен дом Шарьера. Не мешкая, я обратился туда с соответствующим заявлением, которое они неохотно, но приняли, после чего я стал хозяином особняка «на период, не должный превышать шести месяцев, или меньший период, в случае если того пожелает наниматель».

Я сразу же перебрался в снятый мною дом и первым делом обнаружил, что в нем не проведено электричество; слава богу, что хоть работал водопровод. Комнаты особняка, обстановка которых оставалась той же, что и при жизни доктора, освещались керосиновыми и масляными лампами самых разнообразных форм и возрастов — иные из них, без сомнения, были изготовлены еще в позапрошлом столетии. Я ожидал встретить в доме следы запустения, которые у меня привычно ассоциируются с многолетними скоплениями пыли и паутины, и был немало удивлен, обнаружив полное отсутствие вышеупомянутых свидетельств заброшенности жилья. Это было тем более странно, что юридическая контора, о которой я говорил выше, — «Бейкер и Гринбоу» — как будто не ставила своей задачей содержать вверенную ей недвижимость в чистоте и порядке в ожидании представителя рода Шарьер, могущего прибыть в Провиденс и заявить о правах на эту собственность.

Дом полностью оправдал все мои ожидания. Несмотря на свой немалый возраст, постройка была крепка и основательна. Комнаты отличались какой-то несуразностью размеров — они были либо огромными, либо крошечными. Обои кое-где отстали от стен, а в иных комнатах их не было вовсе, и стены там были покрыты лишь старой пожелтевшей штукатуркой. Здание было двухэтажным, однако верхний этаж, судя по всему, никогда не был особенно обитаем. В то же время вся обстановка нижнего этажа красноречиво свидетельствовала о том, что еще не так давно в этих стенах обитал хирург-отшельник. Одна из комнат явно служила ему лабораторией, а другая, примыкавшая к ней, наверняка была кабинетом; оказавшись в этих помещениях, я не мог отделаться от чувства, что каким-то странным и непостижимым образом приблизился к покойному Шарьеру чуть ли не на расстояние вытянутой руки. Во всяком случае, обе комнаты выглядели так, будто доктор находился в них всего минуту назад, проделывая какой-нибудь диковинный опыт, но, захваченный врасплох моим неожиданным появлением, принужден был поспешно скрыться. Похоже, что проживавший здесь в течение недолгого месяца адвокат ни разу не заходил ни в кабинет, ни в лабораторию; впрочем, дом был достаточно велик для того, чтобы можно было разместиться в нем, не вторгаясь в эти уединенные помещения, выходявшие окнами в сильно запущенный сад, который занимал в ширину примерно три обычных участка, а от проходившей позади улицы его отделяла высокая каменная стена.

Было очевидно, что доктор Шарьер скончался, не доведя до завершения какое-то научное исследование, очень меня заинтересовавшее, ибо было оно явно не из разряда обычных. Судя по всему, человеческий организм являлся не единственным и далеко не главным предметом этого исследования. На столе в кабинете я нашел рисунки с изображениями разнообразных рептилий; причудливые, почти каббалистические, эти рисунки походили на виденные мною ранее физиологические карты. Среди изображенных на них видов преобладали представители отряда *Loricata* и родов *Crocodylus* и *Osteolaemus* — хотя встречались здесь и рисунки *Gavialis*, *Tomistoma*, *Caiman* и *Alligator*, — а также наброски с изображениями более ранних представителей класса

рептилий, живших чуть ли не в юрском периоде. Впрочем, эти интригующие рисунки, которые красноречиво свидетельствовали о более чем странной направленности научных интересов усопшего хирурга, все же не вызвали бы у меня охоты выяснять обстоятельства жизни и смерти доктора, если бы в самой атмосфере этого дома я не ощущал какой-то тайны, возможно уходящей корнями в глубь столетий.

И дом, и его интерьер сохранили все приметы своего времени; водопровод здесь провели, конечно же, намного позже. Первоначально я склонялся к мысли, что доктор построил его сам, каковое мнение у меня сложилось после нашей с Гэмвеллом беседы, состоявшей из моих настойчивых расспросов и его уклончивых ответов; правда, он не упомянул о том, в каком возрасте скончался доктор. Допустим, Шарьер покинул наш мир, будучи примерно восьмидесяти лет от роду, рассуждал я уже после осмотра, — но в этом случае он, конечно же, никак не мог быть создателем дома, по всем признакам воздвигнутого около 1700 года, то есть более чем за два столетия до его смерти! Так что, скорее всего, дом просто носил имя своего последнего долговременного обитателя, но не творца. На том я бы и успокоился, если бы, решая эту задачу, не наткнулся на несколько весьма странных фактов, плохо согласующихся как друг с другом, так и со здравым смыслом вообще.

Например, мне не удалось найти ни одного достоверного источника, который бы содержал указание на год рождения доктора Шарьера. Я разыскал его могилу; к моему удивлению, она оказалась в собственных его владениях — в свое время он получил от властей разрешение быть захороненным в саду рядом с домом. Могила располагалась неподалеку от старого колодца, который, хотя и являлся едва ли не ровесником этого необычного особняка, стоял как ни в чем не бывало под аккуратным навесом с ведром и прочими необходимыми приспособлениями. Однако даты рождения доктора не было и на могильной плите. На ней стояли только имя — Жан-Франсуа Шарьер, род занятий — хирург, места проживания или занятия врачебной практикой — Байонна, Париж, Пондишери, Квебек, Провиденс и год смерти — 1927-й. И все. Пелена таинственности вокруг даты рождения доктора подвигла меня на новые поиски, и я принялся

рассылать письма разным своим знакомым с просьбой сообщить о Жане-Франсуа Шарьере все, что им только было известно.

Через две недели от адресатов начали поступать интересующие меня сведения. Однако и на этот раз меня ожидало разочарование, ибо туман вокруг таинственной личности доктора Шарьера не только не рассеялся, а, напротив, стусился. Первый мой запрос был отправлен в Байонну — город, название которого открывало список на могильной плите; скорее всего, именно в Байонне или в ее окрестностях доктор появился на свет. Следующими были письма в Париж, идущий вторым в упомянутом перечне городов, и в Лондон, где жил мой приятель, имевший доступ к архивам колониальной администрации в Индии. Последним в очереди был Квебек. И что же удалось мне выудить из ответной корреспонденции? В общем-то, ничего, кроме загадочной последовательности дат. Но каких дат! Начнем с того, что Жан-Франсуа Шарьер действительно родился в Байонне, но родился в 1636 году! В Париже его имя тоже было известно — носивший его семнадцатилетний юноша прибыл в столицу в 1653 году и в течение трех лет обучался там врачебному искусству у Ричарда Уайзмана, бежавшего из Англии роялиста. В Пондишери, а позже на Коромандельском берегу в Индии слышали о некоем докторе Жане-Франсуа Шарьере, хирурге французской армии, который состоял там на службе с 1674 года. И наконец, последнее упоминание о докторе Шарьере относилось к Квебеку — начиная с 1691 года он практиковал там в течение шести лет, а потом уехал из города неизвестно куда и с какой целью.

Вывод напрашивался сам собой: пресловутый доктор Жан-Франсуа Шарьер, родившийся в 1636 году в Байонне и бесследно затерявшийся после своего отъезда из Квебека в тот самый год, когда был возведен дом на Бенефит-стрит, являлся предком последнего его обитателя и носил одно с ним имя. Но в этом случае налицо был зияющий пробел между 1697 годом и периодом жизни доктора Шарьера, скончавшегося три года назад, ибо о семье Жана-Франсуа Шарьера, жившего на исходе XVII века, не было известно ровным счетом ничего; даже если мадам Шарьер и дети, рожденные ею от доктора, когда-то и существовали в природе (а иначе как бы смогла протянуться до XX века линия

этого старинного рода), то о них не было никаких достоверных свидетельств. Могло статься и так, что, живя в Квебеке, Шарьер оставался холостым и женился только по приезду в Провиденс, будучи тогда в почтенном уже возрасте — ему должен был исполниться в то время шестьдесят один год. Однако мне не удалось найти ни одной записи о его женитьбе, чем я был в высшей степени озадачен. Впрочем, я отдавал себе отчет в том, что при разгадке такого рода тайн трудности совершенно неизбежны, и был твердо настроен продолжать свои поиски.

Решив подойти к решению проблемы с другой стороны, я обратился в фирму «Бейкер и Гринбоу» в надежде узнать от них что-нибудь существенное о покойном Шарьере. На этот раз господа юристы встретили меня с еще меньшим энтузиазмом, нежели во время моего предыдущего визита, тем более что первый же мой вопрос явно поставил их в тупик. «Как выглядел доктор Шарьер?» — спросил я, и после долгого напряженного молчания оба законника признались, что они в глаза его не видели и что все распоряжения он отдавал в письмах, прилагая к ним чеки на солидные суммы; они начали оказывать услуги доктору примерно за шесть лет до его смерти и продолжают оказывать их сейчас, однако до того Шарьер никогда не прибегал к их помощи.

Удовлетворившись пока этим, я принялся расспрашивать их о «племяннике» покойного хирурга, поскольку наличие такого родственника подразумевало по крайней мере тот факт, что у Шарьера были некогда брат или сестра. Но и здесь меня подстерегала неудача — Шарьер никогда не именовал своего загадочного родственника «племянником», сообщая лишь о «единственном оставшемся в живых наследнике рода Шарьер по мужской линии». Конечно, этот наследник вполне мог оказаться племянником покойного доктора, однако с таким же успехом он мог и не быть им. Нелишне отметить и то, что в завещании Шарьера стоял пункт, согласно которому «Бейкер и Гринбоу» не должны были предпринимать никаких шагов по розыску «единственного наследника»; им оставалось только терпеливо ожидать его появления, причем ему вовсе не обязательно было приезжать собственной персоной — он мог просто послать на их адрес письмо по специально оговоренной форме, исключавшей

вероятность какой бы то ни было ошибки. За этим явно что-то скрывалось, однако юристам в свое время хорошо заплатили за молчание, и они отнюдь не горели желанием выложить мне все, что им было известно; впрочем, и известно-то им было совсем немного. В конце концов мои собеседники довольно-таки раздраженно заметили, что с момента смерти доктора прошло только три года и у предполагаемого наследника есть еще масса времени заявить о себе.

Я вновь отправился к старине Гэмвеллу — после фиаско в юридической конторе мне не оставалось ничего другого. Мой друг так и не встал с постели, и его лечащий врач, с которым я столкнулся в прихожей, сообщил мне, понизив голос, что болезнь зашла уже слишком далеко и потому лучше не волновать пациента и не утомлять его разговорами. Я и сам понимал, что Гэмвеллу нужен покой, но тем не менее твердо вознамерился вытянуть из него все возможные сведения. Гэмвелл встретил меня пристальным взглядом, от которого мне стало жутковато, — казалось, он ожидал обнаружить какие-то изменения в моей внешности после менее чем трехнедельного пребывания в доме Шарьера.

После взаимных приветствий я перевел беседу на интересовавший меня предмет. Начав с банальной фразы о необычности дома Шарьера, я стал подробно расспрашивать своего приятеля о покойном докторе, упирая на то, что Гэмвеллу доводилось встречаться с ним лично.

— Но то было бог знает когда, — отвечал Гэмвелл. — погоди, дай мне вспомнить... Вот уже три года, как он умер... Ну да, мы встречались где-то в тысяча девятьсот седьмом году.

— То есть за двадцать лет до его смерти? — удивленно спросил я.

— Да, за двадцать лет до его смерти, — отозвался Гэмвелл. — А что тут удивительного, собственно говоря?

— Ладно, — сказал я. — А теперь расскажи, как он выглядел. Тут я вынужден был констатировать, что преклонный возраст и неизлечимая болезнь основательно подточили не только здоровье Гэмвелла, но и его некогда ясный ум.

— Возьми тритона, увеличь его в размерах, научи ходить на задних лапах и одень в элегантный костюм — вот тебе и Жан-

Франсуа Шарьер собственной персоной, — услышал я в ответ. — Да еще сделай ему для полного сходства дубленую шкуру. Да-да, именно так. Кожа у него была шершавой, даже какой-то ороговевшей... Станный он был тип. Холодный, как рыба. Как будто из другого мира.

— А сколько ему было лет? — продолжал расспрашивать я. — Восемьдесят?

— Восемьдесят? — задумался мой собеседник. — Впервые я увидел его, едва мне только двадцать стукнуло, и тогда ему на вид было действительно около восьмидесяти. А в следующий раз я встретил его два десятка лет назад, и, не поверишь, — он ни капли не изменился! Вот так, дружище Этвуд. Он выглядел на восемьдесят, когда мне было двадцать. Может быть, в то время он показался мне таким старым, потому что сам я был очень молод, — не спорю. Но и в тысяча девятьсот седьмом году он тоже выглядел на восемьдесят. И умер спустя двадцать лет.

— То есть тогда ему было сто.

— Вполне возможно. Почему бы и нет?

Я уходил от Гэмвелла разочарованным. Опять мне не удалось узнать ничего конкретного и определенного — только смутные впечатления о человеке, которого Гэмвелл почему-то недолюбливал и при этом, испытывая своеобразную ревность профессионала к многообещающим чужим изысканиям, старался скрыть от меня причину своей неприязни.

Следующим этапом моих исследований явилось знакомство с соседями. Большинство были сравнительно молоды и практически ничего не знали о покойном хирурге, но нашлись и такие, кто сохранил самые неприятные воспоминания о жившем рядом с ними мрачном затворнике, ибо ползучие гады, которыми кишел его дом несколько лет тому назад, вызывали у моих собеседников суеверный ужас — они подозревали, что эти твари нужны были доктору для каких-то дьявольских лабораторных экспериментов. Из опрошенных мною соседей одна лишь миссис Хепзиба Коббет отличалась почтенным возрастом; маленький двухэтажный домик, где она жила вместе со своей дочерью, стоял позади особняка Шарьера, сразу же за стеной, огораживающей старый сад с могилой и колодцем. Она приняла меня, сидя в инвалидной коляске. Дочь старой миссис, стоявшая позади коляс-

ки, искоса поглядывала на меня сквозь стекла пенсне, которое неуклюже сидело на ее огромном крючковатом носу. Едва я только произнес имя ее покойного соседа, как хозяйка тут же встрепенулась и, по всей вероятности сообразив, что в настоящее время я живу в доме Шарьера, принялась излагать известные ей факты.

— Вы там долго не задержитесь, помяните мои слова. Нечистый это дом, — начала она довольно громким голосом, который, впрочем, быстро угас до хриплого старческого шепота. — Я ведь живу тут по соседству, и уж доктора-то видала много раз. Он был такой высокий, долговязый, согнут, как крючок, и борода наподобие козлиной... Да... А что у ног его вечно волочилось, ох, не приведи вам господь такое увидеть. Какая-то длинная черная гадина, но не змея, нет, для змеи-то она была великовата, хоть эти твари — змеи то есть — постоянно мне на ум приходили, как только доктора увижу... Ох, а как кто-то кричал в ту ночь... И у колодца не то выли, не то лаяли: не как лиса или собака, уж этих-то я ни с кем не спутаю, — нет, там будто тюлень ревел... Я многим про то рассказывала, — разочарованно махнула она рукой, — да только кто мне, старой развалине, поверит... Вы ведь то же самое думаете: сидит, мол, тут старуха и несет невесть что...

Интересно, какие выводы сделали бы вы на моем месте? С одной стороны, я склонялся к тому, чтобы признать правоту дочери миссис Коббет, которая, провожая меня, сказала: «Не обращайтесь внимания на мамину болтовню — артериосклероз, сами понимаете, так что она уже понемногу выживает из ума». С другой стороны, я никак не мог согласиться с тем, что старая миссис «понемногу выживает из ума», стоило только вспомнить, как сверкали ее глаза и как цепко следили они за мной, когда она рассказывала о своем загадочном соседе. Казалось, она с наслаждением вовлекает меня в некий странный розыгрыш, истинные масштабы которого были недоступны ее угрюмой дочери-сиделке.

Неудачи подстерегали меня на каждом шагу. Все направления моих поисков давали в сумме не больше, чем какое-нибудь одно из них в отдельности. Я проштудировал огромное количество старых регистрационных документов, газетных вы-

резок и прочих записей, но результатом были только две даты: 1697-й — год возведения дома, и 1927-й — год смерти доктора Жана-Франсуа Шарьера. Если в истории города и был какой-либо другой Шарьер, то о нем не сохранилось ни одного письменного свидетельства. Казалось маловероятным, чтобы все другие члены семейства Шарьер, поочередно владевшие домом на Бенефит-стрит, умерли где-то за пределами Провиденса; и тем не менее только эта гипотеза в какой-то степени могла объяснить отсутствие упоминаний о них в городских архивах.

И все же однажды удача улыбнулась мне. Как-то раз, обследуя донельзя захламленные комнаты верхнего этажа, я обнаружил в одной из них портрет доктора Шарьера, который висел в самом дальнем от входа углу и был почти совершенно завален различной рухлядью. Вместо полного имени на портрете стояли лишь инициалы — «Ж.-Ф. Ш.», но и этого мне было вполне достаточно для того, чтобы безошибочно идентифицировать изображенную на нем личность. Высокие скулы, впалые щеки и остроконечная бородка придавали тонко очерченному лицу доктора суровое, аскетическое выражение, а от взгляда темных, лихорадочно блестящих глаз веяло замогильным холодом.

Однако на этой ценной находке мое движение вперед застыло, и мне снова пришлось взяться за изучение книг и бумаг, лежавших на столах в лаборатории и кабинете. Если раньше я проводил большую часть времени вне дома, занимаясь сбором информации о докторе Шарьере, то сейчас буквально дневал и ночевал в мрачном особняке. Возможно, благодаря именно этому добровольному заточению в стенах дома Шарьера я стал гораздо острее ощущать его ауру как физически, так и психически. Постоянно думая об адвокате и его семье, которые покинули особняк, будучи не в состоянии вынести здешний воздух, я невольно начал обонять дом и смог наконец-то уловить причудливую смесь разнообразных запахов, до сих пор ускользавших от моего восприятия. Среди них были вполне обычные, характерные запахи старого жилища, но преобладали иные, в данной обстановке совершенно неожиданные. Основная составляющая этой странной смеси не вызывала никаких сомнений: это был терпкий мускусный дух, непременный спутник зоопарков, болот или просто луж с застоявшейся водой, — своего рода миазм,

явственно свидетельствовавший о присутствии рептилий. «Но откуда он взялся?» — спрашивал я себя. Вполне возможно, что в саду за домом Шарьера нашли себе пристанище несколько ползучих гадин, но не могли же они, в самом деле, расплодиться в таких страшных количествах, чтобы все вокруг пропахло ими насквозь. Я убил массу времени, разыскивая источник этого запаха как внутри дома, так и вокруг него, но безрезультатно; и хотя однажды мне показалось, что мускусная вонь исходила из старого колодца, я с ходу отмел эту версию как неправдоподобную.

Запах проникал в каждый закоулок дома. Особенно сильно он ощущался, когда шел дождь, повисал туман или на траву ложилась роса, что было вполне естественно — во влажном воздухе запахи всегда ощущаются отчетливее. Впрочем, и в сухую погоду в доме было довольно-таки сыро. Сырость эта не вызывала у меня особо приятных эмоций, но, с другой стороны, и не являлась причиной излишнего беспокойства.

Однако вскоре в доме стали происходить явления, встревожившие меня куда больше. Я имею в виду галлюцинации, что с некоторых пор начали меня неотвязно преследовать, — казалось, дом протестовал против моего вторжения в кабинет и лабораторию. Однажды посреди ночи мне послышался необычный лающий звук, который доносился будто бы из сада. В другой раз мне почудилось, что из окна кабинета выпрыгнула в кромешную тьму некая странная согбенная фигура, своими очертаниями напоминавшая рептилию. На этом галлюцинации не прекратились — напротив, они стали донимать меня с удручающим постоянством; я же в свою очередь упорно воспринимал все эти неведомые звуки и видения как не имеющие никакого отношения к реальному миру и продолжал думать о них так до той самой ночи, когда меня поднял с постели совершенно отчетливый плеск воды, доносившийся откуда-то из сада. Всей кожей ощущая, что в доме есть еще кто-то, кроме меня, я вылез из-под одеяла, надел халат и ночные туфли, зажег лампу и поспешил в кабинет.

Представшее моим глазам видение было явно навеяно содержанием бумаг покойного доктора, с которыми я успел ознакомиться к тому времени; несомненно, только эти странные до-

кументы могли вызвать в моем мозгу зародыш будущего кошмара. Кто-то действительно побывал в доме и стащил из кабинета несколько принадлежавших доктору бумаг. Я ворвался туда в тот самый момент, когда силуэт непрошеного визитера мелькнул в проеме окна и исчез в темном зеве сада. Это продолжалось секунду, не больше, и все же в тусклом свете лампы мне удалось разглядеть вторгшегося в мои владения субъекта — он был облачен в черный, туго обтягивающий костюм из какой-то грубой блестящей ткани. Я бросился было за ним, но то, что я увидел на освещенном участке пола, остановило мой порыв.

Пришелец оставил на полу следы — отпечатки мокрых ступней. Но боже, какие это были следы! Судя по ним, у ночного гостя были чудовищно широкие стопы, а ногти на пальцах ног отросли на такую длину, что, загибаясь вниз, оставили зарубки перед отпечатками ступней. На том месте, где он стоял, склонившись над бумагами, осталось большое мокрое пятно. По всему помещению витал такой жуткий мускусный смрад, что я зашатался и едва не упал в обморок, несмотря на то что давно уже воспринимал это зловоние как непрменный атрибут занимаемого мною дома.

Прислонившись к стене, я некоторое время приходил в себя, одновременно пытаюсь найти мало-мальски правдоподобное объяснение происшедшему. В конце концов я решил, что в кабинет наведалься кто-то из соседей — наведалься с недоброй целью, очевидно замыслив что-то против ненавистного ему особняка. Но почему этот некто был мокрым, как будто он вылез из бассейна, и зачем ему понадобилось хватать со стола бумаги? А оставленные на полу странные следы?.. В общем, объяснение у меня вышло довольно неубедительным, но что еще я мог предположить?

Что касается бумаг, то кое-какие из них действительно исчезли со стола — к счастью, как раз те, которые я уже успел просмотреть и сложил в отдельную стопку. Я не мог понять, кому и зачем вдруг вздумалось прокрасться ночью в дом и прихватить с собой эти документы. Допустим, злоумышленник заинтересовался домом Шарьера с корыстной целью — например, желая отсудить его себе; но ведь эти бумаги не имели никакой ценности с юридической точки зрения, ибо представляли собой всего

навсего научные заметки о долголетию крокодилов, аллигаторов и прочих подобных им тварей. Одержимость, с которой покойный доктор изучал вопрос долголетия рептилий, уже не составляла для меня тайны, однако если он и открыл какие-то секреты выдающейся продолжительности жизни пресмыкающихся, то ничто в бумагах не указывало на это. Впрочем, дважды или трижды мне попадались довольно туманные упоминания о неких «операциях» по продлению жизни, но, над кем они проводились, мне установить не удалось.

Продолжив разбирать бумаги, исписанные одним и тем же — видимо, докторским — почерком, я познакомился с несколько странным ответвлением его научных поисков: то была подборка материалов о неких загадочных мифических существах, одно из которых именовалось Ктулху, а другое — Дагон. Очевидно, они были морскими божествами, происходившими из неизвестной мне древней мифологии; наряду с ними в рукописях упоминалось о глубоководных существах (или людях-амфибиях?), которые обитали в морских глубинах и были, по всей вероятности, жрецами — служителями культа Ктулху и Дагона. Эти «глубоководные», насколько я понял, тоже отличались завидным долголетием.

Среди исписанных листков я нашел фотографии, на одной из которых была запечатлена статуя некой на редкость отвратительной земноводной твари, грубо высеченная из огромного монолита. Фото было снабжено пометкой: «Вост. побережье Хива-Оа, Маркизские о-ва. Объект поклонения?» На втором снимке я увидел столб с тотемом североамериканских индейцев, обитавших на Западном побережье; тотем был выполнен примерно в той же манере, что и статуя с островов, а взятое за его основу животное тоже было земноводным или пресмыкающимся. Это изображение сопровождалось надписью: «Тотем инд. плем. квакиутл. Пролив Куацино. Такой же т. воздв. индейцами плем. глингит». Похоже было, что в стремлении достичь своей вождельной цели доктор Шарьер глубоко изучил древние колдовские обряды и первобытные религиозные верования.

Что это была за цель, я понял довольно скоро. Проблема долголетия являлась для него не теоретическим, но чисто практическим вопросом — он желал продлить свою собственную жизнь.

Некоторые намеки, содержащиеся в рукописях доктора, позволяли предположить, что он преуспел в своих самых безумных дерзаниях, и это вызвало в моей душе новый приступ тревоги — я опять вспомнил о загадочной личности Шарьера-первого, волею судьбы тоже хирурга, последние годы жизни и смерть которого были окутаны столь же непроницаемой завесой тайны, как рождение и юность Шарьера-второго, скончавшегося в Провиденсе в 1927 году.

Хотя события прошедшей ночи не слишком меня напугали, я все же счел за благо не искушать судьбу и приобрел в лавке подержанных вещей уже далеко не новый, но вполне надежный и отличавшийся мощным боем «люгер». Другой моей покупкой стал фонарь с отражателем — он давал яркий свет и в то же время, в отличие от старой лампы, не слепил глаза. Если ночным визитером был кто-то из соседей, рассуждал я, то наверняка похищенные бумаги только раздражат его аппетит, и рано или поздно он предпримет повторное вторжение. На этот случай я и запасаю оружием и новым фонарем, готовый открыть огонь по мародеру, если он снова заберется в дом и, будучи застигнут мною на месте преступления, попытается удрать. Впрочем, я искренне надеялся, что до стрельбы дело не дойдет.

На следующую ночь я возобновил изучение книг и бумаг доктора Шарьера. Многие из книг были датированы XVII–XVIII веками, из чего я заключил, что они достались Шарьеру от его далеких предков. Несколько книг на французском языке представляли собой перевод с английского и принадлежали перу Р. Уайзмана — того самого, у которого обучался живший в XVII веке молодой Жан-Франсуа Шарьер. Налицо была связь между Шарьером-первым — парижским учеником Уайзмана — и Шарьером-вторым, скончавшимся в Провиденсе, штат Род-Айленд, три года тому назад.

Вообще же эта библиотека представляла собой довольно причудливую мешанину из самых разнообразных изданий на многих языках — от французского до арабского. Названия большинства из них ничего мне не говорили, хотя я неплохо владею французским и чуть-чуть знаком с другими романскими языками. Например, тогда я не имел ни малейшего представления, что скрывается под таким заглавием, как «Unaussprechlichen

Kulten» фон Юнцта, хотя и подозревал, что оно перекликается с названием книги графа д'Эрлетта «Cultes des Goules», поскольку оба издания стояли рядом на книжной полке. При этом книги по зоологии соседствовали с увесистыми томами, посвященными древним культурам. Томов этих было великое множество, я только перечислю некоторые из них: «Исследование связи культур народов Полинезии и индейцев Южной Америки, в частности Перу», «Пнакотические рукописи», «De Furtivis Litegarum Notis» Джанбаттисты делла Порты, «Криптография» Тикнесса, «Daemonolatreia» Ремигиуса, «Эра ящеров» Бэнфорта... Были здесь подшивки старых газет «Трэнскрипт», издававшейся в Эйлсбери, штат Массачусетс, аркхемской «Газетт» и многих других. Что же касается книг, то некоторые из них, без преувеличения, являлись изданиями огромной ценности. Судите сами: самая поздняя была датирована 1820-м, а самая ранняя — 1670 годом! Все они были изрядно зачитаны, но в целом сохранились неплохо, принимая в расчет их весьма солидный возраст.

Впрочем, тогда я не уделил библиотеке Шарьера достаточного внимания, действуя по пословице, согласно которой избыток знаний о всяких запретных вещах вредит человеку куда больше, нежели их недостаток. Я, однако, успел обнаружить среди древних фолиантов нечто напоминавшее на первый взгляд толстый научный журнал, но при более детальном рассмотрении оказавшееся тетрадью для записей, которые, судя по датам, относились к периоду времени, явно выходявшему за рамки лет, прожитых Шарьером-вторым. Тем не менее все записи несомненно были сделаны рукой покойного хирурга: несмотря на более чем почтенный возраст первых страниц в сравнении с последними, почерк на всех был одинаков — мелкие крючковатые буквы, теснящиеся одна к другой в ровные, плотные строки. Записи эти представляли собой своеобразную хронологическую регистрацию явлений, связанных с излюбленной темой доктора и, насколько я мог судить, бравших свое начало с очень давних времен. Некоторые тексты сопровождались небрежно выполненными рисунками, производившими тем не менее довольно сильное впечатление, — похожее чувство мы испытываем, глядя на наскальные рисунки первобытных художников.

На первой же странице этой рукописи я увидел запись следующего содержания: «1851. Аркхем. Азеф Гоуд, гл.». Она относилась к иллюстрации, на которой был изображен этот самый Азеф Гоуд, омерзительный жабоподобный тип с безобразно широким ртом, отвислыми складками губ и полуприкрытыми кожистой пленкой глазами, едва видневшимися из-под тяжелых надбровий. Глядя на эту физиономию, я невольно представил себе, как ее обладатель сидит на корточках, плотно припав к земле, — настолько напоминал он земноводное. Рисунок занимал большую часть страницы, а сопровождавший его текст представлял собой комментарии человека, столкнувшегося с этим необычным явлением — едва ли во плоти и крови, но, скорее всего, при изучении документов какого-нибудь малоизвестного архива (кстати, не могло ли сокращение «гл.» расшифровываться как «глубоководные», упоминание о которых встретилось мне ранее?). Безусловно, находки такого рода утверждали доктора Шарьера в его вере, что между некоторыми людьми и представителями амфибий и рептилий существует некая родственная связь, которая может быть прослежена на подобных примерах.

Я обратился к другим записям, однако после первого прочтения они показались мне малопонятными и почти бессмысленными (хотя, может статься, этого и добивался их составитель?). Чтобы не быть голословным, приведу вам хотя бы следующие образцы:

«1857. Сент-Огастин. Генри Бишоп. Кожа чешуйчатая, но не как у рыб. По слухам, 107 лет от роду. Процесса старения организма не наблюдается. Острота всех пяти чувств. Происхождение точно не установлено; вероятно, что предки занимались торговлей с полинезийцами.

1861. Чарлстон. Семья Балаш. Ороговевшие руки. Двойная челюсть. Одинаковые стигматы у всех членов семьи. Антон: 117 лет; Анна: 109. Испытывают сильное беспокойство вдали от водной среды.

1863. Инсмут. Семьи Марш, Уэйт, Элиот, Гилмен. Капитан Авед Марш: торговец в Полинезии, женат на полинезийке, физиогномические характеристики сходны с ф. х. Азефа Гоуда. Очень скрытный образ жизни. Женщины редко показываются

на улицах. По ночам много купаются — целыми семьями заплывают на риф Дьявола. Ярко выраженное родство с гл. Постоянное передвижение между Инсмутом и Понапе. Тайные религиозные обряды.

1871. Джд Прайс, „человек-аллигатор“ в цирковом шоу. Появляется в бассейне с аллигаторами. Вытянутая вперед челюсть, заостренные зубы; не смог определить, от природы или заточены специально».

Другие записи в найденной мною тетради были выдержаны примерно в том же ключе. Их география впечатляла своей обширностью — Канада, Мексика, Западное побережье США. Заметки эти явились для меня фоном, на котором вдруг неожиданно четко обозначилась фигура человека, одержимого бредовой идеей доказать, казалось бы, недоказуемое — прямую связь долголетия отдельных представителей рода человеческого с их генетической близостью к земноводным или пресмыкающимся.

Приведенные в записях факты я рассматривал всего лишь как надуманно утрированные описания физических дефектов людей, но доктор под тяжестью этих собранных им «свидетельств» окончательно утвердился в своей странной, зловещей вере. Однако за пределы чистой догадки его выносило не часто. На мой взгляд, больше всего его интересовала взаимосвязь между примерами, которые он с таким тщанием собрал в своей тетради, и связь эту он искал в трех направлениях. Наиболее тривиальным из них мне показалась мифология негритянского культа вуду. Второе направление охватывало древнеегипетскую культуру с ее поклонением отдельным видам животных. Третьей и, судя по записям доктора, наиболее значимой сферой поисков была совершенно незнакомая мне доселе мифология, старая как мир, если не старше. Фигурировавшие в ней Старшие Боги вели жесточайшую непримиримую войну с Великими Древними, носившими имена Ктулху, Хастур, Йог-Сотот, Шуб-Ниггурат и Ньярлатхотеп. Им поклонялись шантаки, глубоководные, народ чо-чо, снежные люди и другие существа, иные из которых стояли на ступенях эволюционной лестницы, ведущей к зарождению современных людей, а другие представляли собой чудовищные мутации доисторического человека или вовсе не имели

никакого отношения к человеческому роду. Все это было, конечно же, безумно интересно, но о какой-либо прочной связи между собранными доктором Шарьером «свидетельствами» родства отдельных людей-долгожителей с рептилиями и упомянутыми древними мифологиями говорить не приходилось, притом что в легендах вуду и Древнего Египта действительно имелись туманные аллюзии, связанные с рептилиями, а мифология Ктулху целиком основывалась на культе невероятно древних видов земноводных и пресмыкающихся, без сомнения возникших в одно время с тираннозаврами, бронтозаврами, мегалозаврами и другими рептилиями мезозойской эры, а стало быть, намного раньше сегодняшних крокодилов и гавиалов.

Помимо этих интригующих заметок я обнаружил некие диаграммы, которые при более детальном рассмотрении оказались схемами весьма и весьма странных хирургических операций, природа которых к тому времени еще оставалась загадкой для меня. Тогда я мог лишь с большой долей вероятности утверждать, что схемы эти скопированы из двух древних книг — из труда Людвиг Принна «*De Vermis Mysteriis*» и еще одного фолианта, название которого я не смог даже прочесть. Что же до самих операций, то они вызвали у меня приступ сильнейшего отвращения — настолько суть их была противна самой человеческой природе. Например, одна из них состояла в нанесении на кожу множества надрезов с целью ее растяжения («для обеспечения роста», как пояснялось в сопроводительном тексте), а другая представляла собой перекрестное иссечение основания позвоночника с целью «вытяжения хвостовой кости». Эти дьявольские диаграммы вызвали в моей душе неподдельный ужас, но я продолжал внимательно рассматривать их, ибо они, несомненно, были одним из направлений зловещей деятельности доктора Шарьера и могли многое объяснить мне — например, его патологическое затворничество, которое являлось совершенно необходимым условием для сохранения в тайне его безумных экспериментов, иначе он стал бы посмешищем в глазах своих ученых коллег.

Многие бумаги содержали пространные ссылки на различные события, причем манера изложения не оставляла никаких сомнений в том, что описанные случаи произошли с самим рас-

сказчиком. Все они были датированы не позднее чем 1850 годом; иногда на документе вместо года было обозначено десятилетие. Я вновь распознал характерный почерк доктора, и это — исключая, разумеется, возможность того, что Шарьер просто переписал своей рукой чужие заметки, — явилось для меня почти неопровержимым доказательством ошибочности моих предположений относительно его возраста. Было совершенно очевидно, что он умер отнюдь не в восьмидесятилетнем, но в куда как более преклонном возрасте, и уже от одной этой мысли мне стало не по себе — я в очередной раз вспомнил о жившем в XVII веке предшественнике покойного хирурга.

Здесь можно было подвести кое-какие итоги. В соответствии с моими выводами гипотеза доктора Шарьера, в которую он столь фанатично уверовал, заключалась в том, что с помощью особых хирургических операций и неких таинственных ритуалов можно было значительно — на сто пятьдесят и даже двести лет — удлинить короткую человеческую жизнь, то есть сделать ее равной по продолжительности веку крокодилов, ящериц и прочих ползучих гадов. Необходимым условием для этого являлся период своеобразного полубессознательного оцепенения, проводимый в каком-нибудь сыром, темном месте, где шло созревание иного уже организма и обретение им новых физиологических характеристик. По завершении означенного периода подопытный индивидуум вновь возвращался к жизни, однако глубокие внешние и внутренние изменения, явившиеся результатом операции, сопутствовавших ей колдовских обрядов и анабиоза, вынуждали его вести качественно иной, отличный от прежнего, образ жизни. Для подтверждения этой гипотезы доктор Шарьер собрал обширную коллекцию сказок, легенд и мифов, но наиболее впечатляющим доказательством своей правоты он, безусловно, считал подборку упоминаний о людях-мутантах, живших в последние двести девяносто лет — нет, даже двести девяносто один год, если быть точным. Уточнение этой внушительной цифры оказалось вовсе не бесполезным, ибо некоторое время спустя я с замиранием сердца обнаружил, что именно столько времени — двести девяносто один год — пролегло между датами рождения Шарьера-первого и смерти Шарьера-второго.

Размышляя над гипотезой доктора Шарьера, я проникся невольным уважением к ее необычности и дерзновенности. В то же время нельзя было не отметить, что ей явно недоставало строгого научного подхода и сколько-нибудь убедительных доказательств — все эти намеки, недомолвки и устрашающие предположения вполне могли сойти для досужего любителя страшных историй, но вряд ли были способны пробудить искренний интерес у настоящего ученого, опирающегося на факты и реальные законы бытия, а не на мистику.

С каждым днем я все глубже и глубже погружался в пучину этой безумной теории; и не случись однажды событие, речь о котором пойдет ниже, я преспокойно остался бы в доме на Бенефит-стрит еще бог весть на какой срок и продолжал бы свои изыскания. Но я навсегда покинул это жуткое обиталище и тем самым бросил его на произвол судьбы, ибо последний отпрыск рода Шарьер — сейчас я знаю это точно — никогда больше не явится в Провиденс с притязаниями на дом, который будет передан городским властям и разрушен до основания.

В тот день, рассматривая «находки» доктора Шарьера, я вдруг ощутил на себе чей-то пристальный взгляд — такую защитную реакцию организма некоторые любят называть «шестым чувством». Соблазн обернуться был велик, но я пересилил себя; открыв крышку часов, я поймал на ее зеркальную поверхность отражение находившегося позади меня окна и с содроганием увидел размытые очертания чудовищного подобия человеческой физиономии. В испуге я тут же повернулся лицом к окну, но в оконном проеме не было никого и ничего — лишь какая-то тень мелькнула и исчезла в зарослях старого кустарника. А потом... Боже, я до сих пор не могу понять, действительно ли я видел тогда ту высокую, странно согнутую фигуру, проковылявшую неуклюжей походкой в темноту сада. Во всяком случае, в тот момент у меня достало разума не преследовать ее. «Эта тварь явится сюда еще раз, кем бы она ни была», — решил я.

Мне оставалось полагаться только на свое терпение. В ожидании повторного появления неуловимого ночного пришельца я напряженно размышлял над тем, откуда он мог взяться, и прокрутил у себя в голове имена всех обитателей Провиденса, у которых дом на Бенефит-стрит уже давно не вызывал ничего,

СОДЕРЖАНИЕ

ЕДИНСТВЕННЫЙ НАСЛЕДНИК. <i>Перевод Е. Мусихина</i>	5
ДЕНЬ УЭНТВОРГА. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	32
НАСЛЕДСТВО ПИБОДИ. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	46
ОКНО В МАНСАРДЕ. <i>Перевод О. Мичковского</i>	76
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРЕДКАМ. <i>Перевод О. Мичковского</i>	94
ПРИШЕЛЕЦ ИЗ КОСМОСА. <i>Перевод О. Скворцова</i>	111
ЛАМПА АЛЬХАЗРЕДА. <i>Перевод Ю. Кукуца</i>	130
КОМНАТА С ЗАКОЛОЧЕННЫМИ СТАВНЯМИ <i>Перевод Е. Мусихина</i>	141
РЫБАК С СОКОЛИНОГО МЫСА. <i>Перевод С. Теремязевой</i>	184
ВЕДЬМИН ЛОГ. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	189
ТЕНЬ В МАНСАРДЕ. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	207
НОЧНОЕ БРАТСТВО. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	230
ТАЙНА СРЕДНЕГО ПРОЛЕТА. <i>Перевод О. Мичковского</i>	257
ИНСМУТСКАЯ ГЛИНА. <i>Перевод С. Теремязевой</i>	279
НАБЛЮДАТЕЛИ. <i>Перевод С. Теремязевой</i>	291
ТАЯЩИЙСЯ У ПОРОГА. <i>Перевод С. Теремязевой</i>	318
Примечания. <i>В. Дорогокупля</i>	467

Лавкрафт Г. Ф., Дерлет А.

Л 13 Таящийся у порога : повести, рассказы / Говард Филлипс Лавкрафт, Август Дерлет ; пер. с англ. В. Дорогокупли, Ю. Кукуца, О. Мичковского и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 480 с. — (Иностранная литература. Большие книги). ISBN 978-5-389-10625-3

Говард Филлипс Лавкрафт, не опубликовавший при жизни ни одной книги, сделался маяком и ориентиром целого жанра, кумиром как широких читательских масс, так и рафинированных интеллектуалов, неиссякаемым источником вдохновения для кинематографистов, да и само его имя стало нарицательным. Сам Борхес восхищался его рассказами, в которых место человека — на далекой периферии вселенской схемы вещей, а силы надмирные всеяют в души неосторожных священный ужас. Данный сборник включает рассказы и повести, дописанные по оставшимся после Лавкрафта черновикам его другом, учеником и первым издателем Августом Дерлетом.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ
АВГУСТ ДЕРЛЕТ
ТАЯЩИЙСЯ У ПОРОГА

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 03.07.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 30.
Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-18654-04-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/